

**Литературно-художественные
альманахи издательства
"Шиповник".**

Книга 1

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Л64

Л64 Литературно-художественные альманахи издательства "Шиповник": Книга
1 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 298 с.

ISBN 978-5-517-96418-2

ISBN 978-5-517-96418-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КНИГА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

А. СЕРАФИМОВИЧЪ. у обрыва

А. КУПРИНЪ. БРЕДЪ.

С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. лѣсная топь.

Н. ГАРИНЪ. когда-то...

БОР. ЗАЙЦЕВЪ. полковникъ розовъ

г II

ГОРОДЪ

В. БРЮСОВЪ.

М. ДОБУЖИНСКІЙ.

В. БАКСТЪ.

Н. РЕРИХЪ.

III

Л. АНДРЕЕВЪ. жизнь человека.

А. СЕРАФИМОВИЧЪ.

У ОБРЫВА.

РАЗСКАЗЪ.

I

Уже посинѣло надъ далекимъ поворотомъ рѣки, надъ желтѣющими песками, надъ обрывистымъ берегомъ, надъ примолкшимъ на той сторонѣ лѣсомъ.

Тускнѣли звуки, меркли краски, и лицо земли тихонько затягивалось дымкой покоя, усталости подъ спокойнымъ, глубоко синѣвшимъ, съ рѣдкими бѣлыми звѣздами, небомъ.

Баржа и лодка возлѣ нея, понемногу терявшія рѣзкость очертаній, неясно и темно рисовались у берега. Отражаясь и дробясь багровымъ отблескомъ, у самой воды горѣлъ костеръ, и поплескивалъ на шипѣвшіе уголья сбѣгавшей пѣной подвѣшенный котелокъ, ползали и шевелились, ища чего-то по узкой полосѣ прибрежнаго песку, длинныя тѣни, и задумчиво возвышался обрывъ, смутно краснѣя глиной.

Было тихо, и эту тишину наполняло немолчное роптаніе бѣгущей воды, непрерывающійся шопотъ, безпокойный и торопливый, то сонный и затихающій, то задорный и насмѣшливый, но рѣка была спокойна, и свѣтлѣющая поверхность не оскорблялась ни одной морщиной.

Всплескъ рыбы, или крикъ ночной птицы, или шорохъ осыпающагося песку, или едва уловимый шумъ пароходнаго колеса, или почудилось,—но что-то принеслось издалека. И снова дремотное, невнятное шептаніе, то замирающее и сонное, то встрепенувшееся и торопливое, и свѣтлый, ничѣмъ ненарушимый покой рѣки подъ все густѣющей синевой надвигающейся ночи.

— „Ермакъ“ никакъ идетъ.

— Гдѣ ему!.. теперича небось на „Собачьихъ Пескахъ“ сидитъ...

И человѣческія слова, такія простыя и ясныя, прозвучали и погасли въ этомъ непонятно-безпокойномъ шопотѣ спокойно-недвижной рѣки.

Короткая, притаившаяся у колебавшагося огня тѣнь разомъ вытянулась, побѣжала отъ костра, уродливо перегнулась черезъ обрывъ и пропала въ степномъ сумракѣ, откуда неслись крики перепеловъ и запахи скошенныхъ травъ, а надъ костромъ поднялся высокій, здоровенный съ длинными руками и ногами въ пестрядинной рубахѣ человѣкъ и, скинувъ ложкой сбѣгавшую черезъ края пѣну, ссыпалъ въ бившую ключемъ воду пригоршню пшена. Вода мгновенно успокоилась, а тѣнь, скользя по обрыву, вернулась изъ степи и опять притаилась у огня. Длинный человѣкъ сидѣлъ, неподвижно обнявъ колѣни, глядя на свѣтлѣющую рѣку, на пропадающій въ сумеречной дымкѣ лѣсъ, дальній берегъ.

Поодаль на пескѣ, протянувшись неподвижно и мертво, чернѣла человѣческая фигура.

Не было видно лица.

Спалъ ли онъ, или думалъ, или былъ боленъ, или уже не дышалъ, нельзя было разобрать.

Уже потонулъ въ темнѣющей синевѣ и не сталъ видимъ лѣсъ, и поворотъ рѣки, и дальніе пески, только вода попрежнему поблескивала, но уже чернымъ, вороненымъ блескомъ, и звѣзды въ ней бездонно повисли, яркія и безчисленные.

И, казалось, такъ и нужно, чтобъ въ эту синюю ночь у дремотно-шепчущей воды возлѣ обрыва горѣлъ костеръ, и красный отсвѣтъ трепеталъ невѣрно, озаряя багровымъ свѣтомъ костра высокую нескладную, но точно выкованную фигуру человѣка, могуче охватившаго руками колѣни, и неподвижную темную фигуру на пескѣ, и третьяго съ широкой бородой

старика, съ спокойнымъ и строгимъ лицомъ, отлитымъ изъ бронзы.

Какъ будто кто-то задумчиво безъ словъ пѣлъ, и не было слышно голоса, и только представлялась потонувшая въ ночной синевѣ рѣка, и костеръ, и смутный обрывъ, и въ темной глубинѣ чуть зыблемы звѣзды.

— Пришло время... жисть-то она человѣческая, какъ трава полѣзла...

Голосъ былъ ровный, спокойный, медлительный, и такъ было спокойно кругомъ, что нельзя было сказать, кому принадлежитъ голосъ.

И среди ни на секунду непрерывающагося немолчнаго дремотнаго шопота голосъ, казалось, принадлежалъ синей ночи, какъ и угрюмо стоящій обрывъ, какъ ропотъ воды, какъ костеръ съ беззвучно ползающими по песку тѣнями.

— какъ трава молодая на прѣвесень изъ черной земли...

— Нда-а... теперича полѣзла, ничѣмъ ее не уторкаешь.

И кто-то на томъ берегу смутно и неясно отозвался, слабѣя:

... да-а-а!

Сидѣвшій, обнявъ колѣни, замолчалъ. Молчалъ и тотъ, чей темно простертый силуэтъ смутно рисовался на пескѣ. Молчалъ старикъ съ бронзово-багровымъ шевелившимся лицомъ, изрѣдка лѣниво вбрасывая въ костеръ голыми руками выскакивающіе оттуда раскаленные угольки, и въ этомъ молчаніи чудилась недоконченная дума, думала сама синяя ночь.

Тонкій шемащій крикъ пронесся надъ рѣкой.

Опять тихо, задумчиво-сумрачно, снова непрерывающійся безпокойно-торопливый шорохъ-шопотъ бѣгущей воды. Молчалъ въ наступившей со всѣхъ сторонъ темнотѣ смутно поднимающійся обрывъ, молчала степь за нимъ. Котелокъ лѣниво вскипалъ, сонно подергиваясь пѣной.

Тонкій крикъ повторился противъ, надъ рѣкой. Водяной игралъ, а, можетъ быть, летѣла надъ самой водой невидимая птица,—нельзя было сказать. Ночь тѣснилась со всѣхъ сторонъ, молчаливая и темная.

— По рѣкѣ далече слышать... хошь у самага Кривого Колѣна, и то будетъ слышно...

И оба наклонили головы, чутко ловя смутный неясный звукъ. Ухо хотѣло поймать приближающійся шумъ пароходныхъ колесъ, но звуки ночи, тихіе, неясные, тысячу разъ слышанные и все таки особенные и странные, говорили объ отсутствіи человѣка.

Горѣлъ костеръ, у костра сидѣли двое, третій недвижимо чернѣлъ на пескѣ.

II

Длинный поднялся, снялъ котелокъ. Тѣни засуетились, и одна опять скользнула вверхъ по обрыву и пропала въ степи.

— Упрѣла.

Онъ поставилъ котелокъ и покрутилъ въ пескѣ.

— Часовъ девять есть... охо-хо-хо...

И за рѣкой кто-то: „о-о-о-о...“

— Скажи парню, нехай садится съ нами, вишь, отошаль.

Старикъ досталъ изъ кармана ложку и вытеръ заскорузлымъ пальцемъ.

— Эй, паря... хошь, поѣшь съ нами,—длинный наклонился надъ неподвижно чернѣвшей фигурой.

— А?.. а?.. а?.. куда... постой... братцы, держитесь... —закричалъ тотъ, вскакивая, трясясь.

— Что ты... что ты, парень... говорю, поѣшь съ нами...

Тотъ обвелъ вокругъ удивленнымъ взглядомъ, не понимая этой темноты, смутно рисующихся контуровъ, этого ночного молчанія, заполненнаго немолчно шепчущимъ ропотомъ, этого трепещущаго красноватаго поблескивающаго въ водѣ отсвѣта, и провелъ рукой,

какъ будто снималъ съ лица паутину. Онъ точно весь обмякъ и улыбнулся безсильной, измученной улыбкой.

— Ишь ты... опять попритчилось...

При свѣтѣ костра поражала исхудалость и измученность, завалившіяся щеки, черные круги, горячечно блиставшіе безпокойные, какъ будто глядящіе мимо предметовъ, глаза.

Сѣли кругомъ котелка, поджавъ на песокъ ноги, и стали ѣсть и громко дули на кашу. И повторяя движенія, суетились по песку тѣни.

Долго и молча ѣли, и долго въ дремотно шепчущій ночной ропотъ чуждо вторгался звукъ усердно работающихъ человѣческихъ челюстей.

Первая острота голода притупилась, парень, на лицѣ котораго землисто отпечатывался призракъ смерти, вздохнулъ:

— У-ух-хъ!... маленько отошелъ...

И опять улыбнувшись безсильной и измученной улыбкой, добавилъ:

— Два дня не ѣлъ.

— Да ты откуда?

— Изъ города,—и снова усталая и теперь довѣрчивая улыбка,—изъ самаго изъ пекла вырвался, какъ и вырвался, самъ не знаю...

— Да мы это догадались, какъ ты еще шелъ по берегу,—усмѣхнулся длинный,—да не стали разспрашивать, что человѣка зря безпокоить.

— Небойсь, ничего... По степи патрули разѣзжаютъ, хватаютъ, которые успѣли изъ города убѣжать, ну схватятъ, разговоръ короткій — пуля либо петля... мы не одного переправили... артель-то на баржахъ, да и команда на пароходѣ свой народъ... къ намъ вотъ не догадаются на баржу заглянуть, а... то бы была имъ пожива... Да ты въ городу-то чѣмъ былъ?

— Наборщикомъ,—и онъ повелъ плечами, точно ему холодно было, и боязливо оглянулся.

Длинный черпнулъ, подулъ на ложку и, вытянувъ губы, съ шумомъ втянулъ воздухъ вмѣстѣ съ кашей.

На рѣкѣ завозился водяной или ночная птица. Всплеснула рыба, но въ темнотѣ не было видно расходящихся круговъ. Старикъ ѣлъ молча.

— Все по рѣкѣ шель, какъ чуть чего—въ воду... Вчерашній день до самой ночи въ водѣ сидѣлъ, закопался въ грязь, а голова въ камышѣ, такъ и сидѣлъ.

Онъ отложилъ ложку и сидѣлъ, осунувшись, и мысли, далекія отъ теплой ночи, отъ костра, бродили въ головѣ, туманя глаза.

— Что было, страшно вспомнить... крови-то, крови!... народу сколько легло!...

И опять боязливо оглядѣлся и передернулъ, какъ отъ холода, плечами.

— Усталъ я... усталъ, замучился, и... и не то, что руками или ногами, душой замучился, все у меня подалось, какъ обвисло...

И онъ опять обвелъ кругомъ, глядя куда-то мимо этой темноты, мимо костра, рѣки, мимо товарищей, точно, заслоняя все, стояли призраки разрушенья, развалины, и некуда было идти.

— Главное что!.. —вспыхивая, заговорилъ онъ,— трудовъ, сколько трудовъ убито. Нашего брата рабочаго развѣ легко поднять, да вбить въ башку... Ему долби да долби, его учи да учи, а онъ себѣ тянется, какъ кляча подъ кнутомъ, съ голоду сдыхаетъ да водку хлещетъ... Покуда все наладилось, да сгрудились, сбились въ кружки, да читать, да думать стали, да расчухали, ой-ёй-ёй, сколько времени, сколько трудовъ стоило!... А сколько народу пропало по тюрьмамъ, да въ ссылкѣ, да на каторгѣ, да какого народу!... кирпичъ за кирпичемъ выводили, и вотъ тррахххъ!... готово! все кончено!... шабашъ!...

И онъ отвернулся, и опять глядѣлъ, не замѣчая, мимо синѣющей ночи, мимо шепчущихъ звуковъ, мимо тихаго покоя, которымъ вѣялъ дремлющій берегъ.